

Лю Чи, словно пытаясь отвлечься, рассеянно обвел взглядом окрестности, после чего его взор зафиксировался на свертке, привязанном к седлу.

— Что ты с собой взял? — спросил Лю Чи.

Хо Цунцзин подумал:

— Да так, кое-какой еды и питья... О, и еще мой меч.

— Меч? — переспросил Лю Чи.

Хо Цунцзин подвел коня ближе, поддержал Лю Чи за талию, помогая тому подняться, а затем отвязал от седла сверток.

Внутри оказалась абордажная сабля длиной более двух чи, с широким обухом и тонким лезвием.

— Князь Увэй подарил ее мне, когда усыновил. Хотя я и редко пользуюсь ею, но всегда ношу с собой, — пояснил Хо Цунцзин. Заметив неподдельный интерес на лице Лю Чи, он добавил еще пару слов: — В погоне за разбитыми врагами сабля — вещь незаменимая, но для прорыва вражеского строя все же лучше использовать длинное копье.

Лю Чи вытащил клинок из ножен. Глядя на саблю, подаренную Князем Увэй, он крепко сжал рукоять и тихо произнес:

— Я хочу научиться этому. Цунцзин, научи меня.

Хо Цунцзин совершенно не умел сопротивляться, когда Лю Чи звал его по имени. Особенно сейчас — так естественно, словно произносил это бесчисленное количество раз в прошлом и будет называть так впредь.

— Хочешь, я для начала тебя прокачу? — Хо Цунцзин запнулся, но так и не осмелился упомянуть, как минуту назад Лю Чи от страха побледнел и, забившись к нему в объятия, не смел шевельнуться — в конце концов, сейчас в руках у Лю Чи было оружие.

Лю Чи вернул клинок в ножны, но возвращать саблю Хо Цунцзину не стал. С оружием в руках он взобрался в седло. Движения его при этом были несколько неуверенными, но в то же время удивительно четкими и отточенными.

В отличие от Хо Цунцзина, успевшего побывать и кавалеристом, и курьером, а впоследствии дослужившегося до генерала, в чьей манере держаться в седле не было ни капли изысканности — лишь скрытая, тяжелая мощь.

— Да тут все просто. Кавалеристу достаточно пары приемов — война же не турнир по боевым искусствам, — Хо Цунцзин улыбнулся, заметив, что Лю Чи наконец расслабился и вроде бы пришел в себя. — К тому же тебе и не нужно быть кавалеристом... Хочешь, сначала научу тебя ездить верхом?

Конечно, в верховой езде Лю Чи разбирался неплохо, но Хо Цунцзин провел в седле годы — он служил конным разведчиком и разносил срочные депеши на лихих конях. Стоило ему перестать поддаваться, как Лю Чи, выбившись из сил, мог бы лишь глотать пыль у него за спиной.

— Не нужно.

Однако Лю Чи, держа в одной руке саблю, а в другой — поводья, дождался, пока Хо Цунцзин устроится в седле, и, не колеблясь ни секунды, крикнул «но!», оставив его позади.

— К реке, сделаем круг, а потом я зажарю для тебя мясо! — с улыбкой крикнул Хо Цунцзин, пришпорил коня и мгновенно обогнал Лю Чи.

— Не нужно мне поддаваться! — Лю Чи дернул поводья, проигнорировал его и пустил коня в галоп по дороге вдоль берега.

Нужно было просто крепко держать клинок.

Навыки верховой езды у Лю Чи оказались гораздо лучше, чем Хо Цунцзин предполагал. Сделав круг по этой открытой местности, Лю Чи заметно расслабился и повеселел. В черных одеждах верхом на коне он казался исполненным особой, изящной элегантности, столь непохожей на грубоватую статью людей вроде Хо Цунцзина.

Хо Цунцзин всегда с презрением относился к отпрыскам знатных семейств, считая их лишь напыщенными фатами, но теперь, глядя на то, как Лю Чи скачет верхом и с улыбкой смотрит на него, он находил это зрелище невероятно красивым. И впрямь, сказывалось то, что в детстве тот был компаньоном наследного принца.

Хо Цунцзин остановил коня у речного берега и, глядя на недовольное, с хмурым выражением лицо Лю Чи, неловко улыбнулся:

— Еще кружок? На этот раз я буду сдерживать коня.

Лю Чи усмехнулся:

— Звучит просто.

Хо Цунцзин инстинктивно ухватился за поводья коня, с замиранием сердца наблюдая за ним — он боялся, что Лю Чи спугнет скакуна или, потеряв равновесие, рухнет на землю.

— Я умею ездить, — в голосе Лю Чи явственно не хватало уверенности. На самом деле Хо Цунцзин чувствовал, что тот затеял это из упрямства, хотя и не понимал, с кем именно он соревнуется.

Это была та самая подлинная аристократическая статья, которую способны взрастить лишь великие и древние роды.

Но сидел Лю Чи уверенно. Чуть сменив позу, он знаком велел Хо Цунцзину отпустить поводья.

— Куда мы едем? — с улыбкой спросил он.

— Ладно, — без колебаний отозвался тот. — В общем-то, учиться особо и нечему: сидишь в седле, несешься вперед, скидываешь меч, чтобы снести голову врагу или пронзить его грудь... Нужно просто крепко держать клинок.

— Подожди! — в панике окликнув его, Хо Цунцзин вскочил в седло другого коня, до смерти боясь, что Лю Чи спугнет животное — за время службы в кавалерии он слишком часто видел людей, валившихся из седла по самым разным причинам.

Хо Цунцзин не стал сопровождать его. Он лишь остановился на месте, спешился и принялся развязывать седельный выюк: раз уж он пообещал накормить Лю Чи жареным мясом, на подготовку требовалось немало времени.

Еще когда Хо Цунцзин скакал впереди Лю Чи, он заметил, что эти места тому незнакомы.

И это казалось невероятным — от Башни Ветра и Луны досюда было всего около двух часов езды на лошади. Будь то весна, когда распускаются почки и цветут деревья, лето с его обилием праздников или осень, когда склоны гор пестрят всеми цветами радуги, здесь никогда не было недостатка в гуляющих.

Похоже, Лю Чи и впрямь давным-давно не выбирался из дома.

Устроившись на прибрежном валуне, Хо Цунцзин нанизывал мясо на прутья и раскладывал их рядом. Пока он обтесывал ножом деревянные палочки, Лю Чи вернулся верхом.

Пряди волос на его висках были влажными — судя по всему, он умылся выше по течению.

Сидя на камне, Хо Цунцзин поманил его рукой. Лю Чи бросил взгляд на сооруженный из камней импровизированный мангал и приподнял бровь.

Хо Цунцзин видел в его глазах праздное любопытство.

Лю Чи неторопливо спешил. В отличие от его ловких и лихих движений при посадке в седло, сейчас он слезал с коня с окостенелыми движениями — левая нога казалась ему непослушной. Любый новичок, впервые оказавшийся на земле после конной прогулки, выглядел лучше, чем Лю Чи. Хо Цунцзин в тревоге уставился на него, бросив все дела, готовый в любой момент подхватить его, если тот рухнет.

Но к счастью, падать Лю Чи не собирался.

Он опустился на камень напротив Хо Цунцзина, где как раз имелось свободное сиденье.

Там, сидя на камне, Лю Чи полностью растерял то легкое и радостное выражение лица. Губы его были плотно сжаты до белизны, в глазах бушевало подавленное бешенство.

Хо Цунцзин подумал, что в прошлом Лю Чи, должно быть, падал с лошади, отчего у него и развился психологический барьер. Судя же по сегодняшнему дню, он явно вознамерился этот страх преодолеть.

Дело обычное: когда Хо Цунцзин в свое время только учился держаться в седле, а позже разносил депеши, он тоже падал с коней — и не раз. Снова взбираться на круп испуганного животного было страшно. Среди его сослуживцев находились и те, кто насмерть разбился при падении, а уж тех, кто после этого боялся подходить к лошадям, и вовсе счесть было нельзя.

Хо Цунцзин считал, что поступил абсолютно правильно, предложив ему прокатиться — как же здорово одержать верх над собственными страхами!

Вот только, глядя на нынешнее состояние Лю Чи, Хо Цунцзин проявил такт и не стал заводить об этом речь. Он лишь с улыбкой спросил:

— Ты любишь острое?

— Люблю, — ответил Лю Чи, опустив взгляд и понизив голос.

Этот его сердитый вид обиженного на весь мир человека выглядел донельзя милым. Хо Цунцзину ужасно захотелось ущипнуть его за щеку, но руки были слишком грязными, и пришлось отказаться от этой затеи.

Готовил Хо Цунцзин отменно. Капли жира, капавшие с кусков мяса в костер, шкворчали, а аппетитный запах, казалось, готов был долететь аж до самого города. Готовое мясо он протянул Лю Чи, и тот без церемоний забрал шампур, впившись в него зубами с таким ожесточением, будто вымещал на еде чью-то злобу.

При этом он по-прежнему не выпускал из рук трофейную саблю Хо Цунцзина, сжимая ее мертвой хваткой.

Поворачивая шампуры над огнем, Хо Цунцзин размышлял о том, что по возвращении обязательно раздобудет для Лю Чи хороший клинок. Меч, что был при нем сейчас, не годился — это подарок приемного отца, и для самого Хо Цунцзина он значил не меньше собственной жизни, такое сокровище нельзя просто так отдавать другим.

Не успел он придумать, где раздобыть достойное оружие, как сидевший напротив Лю Чи поднялся на ноги и пересел рядом с ним.

Камень, на котором Лю Чи сидел до этого, Хо Цунцзин притащил специально для него. Теперь же, устроившись прямо на земле рядом, он сразу показался заметно ниже. Протянув Хо Цунцзину палочку с двумя оставшимися кусками мяса, он произнес:

— А-а.

Хо Цунцзин разом откусил оба куска.

Затем протянул ему свой шампур с только что зажаренным мясом.

Ел Лю Чи гораздо изящнее. Устроившись на плече у Хо Цунцзина, он принимал из его рук готовое мясо, откусывал кусочек сам, а затем подносил кусок ко рту Хо Цунцзина.

На какое-то время оба замолчали.

Ветер шевелил летнюю листву и высокую траву, трепетали пятнистые тени от деревьев, а река с ее рябью всё так же мерно и неумолимо несла свои воды вдаль.

Пережевывая мясо, которым его кормил Лю Чи, и переворачивая шампуры, Хо Цунцзин все же не сводил глаз с лица припавшего к его плечу спутника.

Заметив его взгляд, Лю Чи поднес к его губам собственную шпажку с мясом.

Хо Цунцзин откусил кусок и, жуя, невнятно пробормотал:

— Лю Чи?

— М-м? — Лю Чи лениво прижался к нему, даже ел он с заметной негой.

Дело было вовсе не в том, что он выбился из сил после пары кругов галопа — подлинной

причиной усталости стали бурные эмоциональные качели и колоссальная энергия, затраченная на то, чтобы совладать с ними.

Опустив ресницы, Хо Цунцзин смотрел на его прижатый к своему плечу профиль и неторопливо произнес:

— Ты мне очень нравишься.

Лю Чи замер, выпрямился, ошарашенно поднял на него голову и глупо переспросил:

— Чего?

Он никак не мог взять в толк, с чего это Хо Цунцзин вдруг заговорил о таком.

Но Хо Цунцзин лишь легонько провел тыльной стороной ладони по его щеке и снова уткнулся взглядом в мангал, продолжая жарить мясо.

Решив, будто на лице осталась какая-то грязь, Лю Чи яростно потер то место ладонью, а затем снова прижался к плечу Хо Цунцзина.

У Хо Цунцзина оставалась последняя пара шампуров. Поджарив их, он отдал еду Лю Чи, а сам поднялся, чтобы вымыть руки в реке, заодно зачерпнув пригоршню воды, чтобы залить кострище.

Лю Чи протянул ему один из шампуров, и, взяв его, Хо Цунцзин понял, что тот уже справился со своей порцией.

Мокрыми пальцами Хо Цунцзин ущипнул его за щеку, а затем в пару укусов покончил с собственной едой.

Они перебрались на траву под раскидистым деревом и легли рядом, засыпая в густой тени листвы.

Вокруг было слишком светло, и привыкший жить в помещении Лю Чи сложил носовой платок в несколько раз и прикрыл им глаза.

В окутавшей его тихой, успокаивающей темноте он расслышал тихий голос Хо Цунцзина:

— Ты мне очень нравишься...

— Я придумаю, как тебя выкупить, и женушка из тебя получится славная.

То ли рука, то ли дуновение ветра коснулось щеки Лю Чи.

Но Лю Чи так и лежал с плотно закрытыми глазами, ровно и глубоко дыша.

<http://bllate.org/book/21314/2162815>